

Отзыв официального оппонента
на диссертацию Михайлова Артёма Сергеевича
«Взгляды К.Н. Леонтьева на будущее России по его переписке
второй половины 1880-х – начала 1890-х годов»,
представленную на соискание ученой степени кандидата
исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история

Диссертация А.С. Михайлова представляет собой, безусловно, многогранное и очень информативное исследование, раскрывающее важный и до конца еще не исследованный сюжет отечественной истории политической мысли. Речь идет о религиозно-философском – а еще точнее, политико-культурном – учении К.Н. Леонтьева, которое сам мыслитель определил термином «гептастилизм». Этот термин и его концептуальное раскрытие содержались в письме К.Н. Леонтьева к Я.А. Денисову, которое один из лучших знатоков творчества автора «Византизма и славянства» Г.Б. Кремнев обнаружил несколько лет тому назад в РГАДА. В 2012 г. вышла огромная монография доктора филологических наук, ведущего научного сотрудника Пушкинского дома и одной из составительниц Полного собрания сочинений и писем К.Н. Леонтьева О.Л. Фетисенко «Гептастилисты. Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: (идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX – первой половины XX века)». Книга О.Л. Фетисенко стала в свое время интеллектуальной сенсацией, потому что до этого времени практически никто (за исключением узкого круга леонтьевоведов) не знал о том, что у К.Н. Леонтьева было хорошо разработанное учение с таким именем и что у этого учения имелся немалый круг влиятельных сторонников.

Концепция гептастилизма была в полной мере выражена не столько в сочинениях К.Н. Леонтьева, сколько в его письмах, полный корпус которых теперь представлен вниманию читателей и исследователей в результате титанической работы сотрудников Пушкинского дома, выпустивших в свет

12 томов Полного собрания сочинений и писем и восемь приложений к 12-томнику. Письма К.Н. Леонтьева представляют собой очень важный источник для понимания его взглядов, поскольку он, в отличие от многих своих современников, не стеснялся открыто выражать свои мнения в письмах. Скажем, Вл.С. Соловьев делал это с явной неохотой, в силу чего из его писем можно немного узнать об эволюции его мировоззрения, что составляет немалую проблему для исследователей.

Диссертация А.С. Михайлова является первым теоретическим исследованием, целиком построенным на всестороннем анализе всей опубликованной переписки К.Н. Леонтьева. Теоретическую новизну исследованию придает как очень полный и весьма содержательный историографический раздел, так и отстаиваемые автором положения, в которых он возражает некоторым своим предшественникам в сфере исследования гептастилизма. Так, он возражает о. Иосифу Фуделю, который в своей статье 1916 г. «К. Леонтьев и Вл. Соловьев в их взаимных отношениях» высказывает мысль, что К.Н. Леонтьев в 1888 г. под влиянием аргументов Вл.С. Соловьева, высказанных им в полемике с теорией Н.Я. Данилевского, отказывается от представления о том, что Россия имеет «культурное» призвание, что она способна создать свой особый культурно-исторический тип и поэтому она имеет исключительно религиозное призвание, на котором и следует сосредоточиться, оставив все надежды на национально-культурное (или, как сегодня сказали бы, цивилизационно-культурное) возрождение. Автор диссертации аргументированно оспаривает этот вывод, приводя в качестве аргумента высказывания К.Н. Леонтьева последних трех лет его жизни, где он продолжает говорить и об «эстетике», и о национально-культурной миссии России, и даже об особой форме теократического социализма: проект такого рода социального уклада автор убедительно связывает с опытом афонской монашеской жизни. Еще одним несомненным достоинством работы является подробное раскрытие отдельных положений гептастилизма — его религиозного, социально-экономического и

внешнеполитического аспектов, тех самых «столпов», на коих должен быть основан особый русский культурно-исторический тип.

Поскольку автор блестяще разбирается в материале и допускает очень мало неточностей, то наш отзыв, по сути, можно было бы свести к безусловно положительной оценке и перечню небольших опечаток (прежде всего стилистического характера, сюда же относится и странная небрежность в использовании инициалов), а также стилистических промахов (вроде использования термина «ограничить власть» вместо «оградить власть» на с. 124 или же таких неудачных фраз, как на с. 175–176: Леонтьев «начал вести счёт срок существования России и мира гораздо на гораздо меньший временной срок...»). Однако в работе имеются и определенные теоретически и композиционно уязвимые места, и на них все-таки придется обратить внимание.

Начнем с последних. 4 глава исследования, посвященная в основном спорам К.Н. Леонтьева с Ф.М. Достоевским, Вл.С. Соловьевым и П.Е. Астафьевым, плохо соотносится с двумя предыдущими главами и в теоретическом, и в хронологическом отношениях. Спор о Пушкинской речи Ф.М. Достоевского – это 1880 г., тогда как «кризис гептастилизма» – 1888–1889 гг. Очевидно, что, включая четвертую главу в исследование, автор преследовал определенную цель – каким-то образом связать «гептастилистский идеал» с так называемым хилиазмом Ф.М. Достоевского, противопоставив их друг другу. Автор стремится провести мысль, что консервативный социальный идеал необязательно тождественен хилиазму, милленаризму и «политическому романтизму» (в шмиттовском смысле этого слова) и утопия К.Н. Леонтьева – яркое свидетельство в пользу этого вывода. Получается, что утопизм – это мечта о всеобщем счастье, романтизм – своего рода греза о народном сплочении, тогда как стремление к «рабству» и «закрепощению», отчасти в эстетических, отчасти в религиозных целях характерное для К.Н. Леонтьева, представляет собой нечто совсем иное по отношению к тому, о чем говорил Ф.М. Достоевский в Пушкинской речи и о

чем писали старые славянофилы. Не предвещая ответа на вопрос, в какой мере это суждение само по себе справедливо или ошибочно, следует отметить, что определенным недостатком работы является то, что это различие не прописано внятно, в силу чего по ходу чтения именно четвертой главы постоянно возникает недоумение по поводу того, как она логически связана с главой предыдущей и со всем остальным текстом.

Теперь перейдем к содержательным возражениям. Термин «хилиазм», вероятно, в данном контексте требует более содержательного раскрытия: идет ли речь о реальном религиозном ожидании Царства Христова на земле или же о метафоре земного благополучия как цели сознательных человеческих усилий. Действительно, в воззрениях Ф.М. Достоевского и, вероятно, Вл.С. Соловьева два этих сюжета оказались неразрывно переплетены: хилиазм в первом понимании служил религиозным обоснованием христианского социализма. Автор постоянно дает понять, что в споре К.Н. Леонтьева с Ф.М. Достоевским он стоит всецело на стороне К.Н. Леонтьева. Между тем социалистические идеи Ф.М. Достоевского, от которых он и в самом деле до конца никогда не отступал, были обусловлены отнюдь не желанием благополучия или сытости (о чем свидетельствует хотя бы поэма о Великом Инквизиторе), а прежде всего очень трезвым пониманием, что капитализм как таковой последовательно ведет к политическому безбожию, что он мог и увидеть на примере эволюции социализма от христианского утопизма 1830-х к агрессивному атеизму 1840-х. В капиталистическом обществе праведники закономерно становятся грешниками, а искренние христиане типа Алеши Карамазова оказываются революционерами и бунтарями. «Русский социализм» был для Ф.М. Достоевского решением проблемы политического безбожия, без чего, как считал писатель, дело христианства на Земле не могло бы завершиться удачей.

Что касается Вл.С. Соловьева, то А.С. Михайлов также несколько спрямляет логику его рассуждений, утверждая, что, по мнению философа, «Русская православная церковь должна вернуться в лоно Католической

[церкви]» (с. 157). Все-таки позиция Вл.С. Соловьева по поводу воссоединения церковью была сложнее: главе Римской церкви, в свою очередь, нужно было признать русского царя всемирным императором, отказав в том же статусе императорам Австро-Венгрии и Германии.

Еще одна проблема – с «политическим романтизмом», который автор приписывает П.Е. Астафьеву и которому противопоставляет воззрения К.Н. Леонтьева. С точки зрения автора, «романтизм» соответствует либерализму, и в этом плане воззрения К.Н. Леонтьева представляют собой альтернативу этому течению, вопреки известному определению Н.А. Бердяева, назвавшего автора «Византизма и славянства» представителем русской религиозной романтики. Концепция Карла Шмитта, тем не менее, дает несколько иное представление о «политическом романтизме»: напомним, что с точки зрения немецкого правоведа, философским основанием «политического романтизма» является «окказионализм». По сути дела, он называет «политическим романтизмом» стремление к оценке тех или иных политических явлений в соответствии с внутренним мистическим чувством человека. «Политический романтик» может поддерживать тот или иной строй, быть сторонником реакции или революции, если ощущает, что данное течение, событие или движение вызывает определенные переживания, прежде всего эстетического толка. Несложно увидеть, что взгляды самого К.Н. Леонтьева намного в большей степени подпадают под определение «политического романтизма», чем воззрения его оппонентов, в частности, того же П.Е. Астафьева, Вл. С. Соловьева и даже старых славянофилов. Безусловно убеждения К.Н. Леонтьева к «политическому романтизму» свести нельзя, но столь же очевидно, что «романтический» компонент неотделим от его мировоззрения. Именно своим «романтизмом» К.Н. Леонтьев оказался созвучен представителям русского религиозного ренессанса, тому же Б.А. Грифцову или же Н.А. Бердяеву. Так что противопоставление автором К.Н. Леонтьева «политическому романтизму», по К. Шмитту, вызывает вопросы.

В диссертации содержится множество интересных мыслей и точных замечаний. Отмечу одно, представляющееся мне весьма важным: в подстрочном примечании А.С. Михайлов справедливо замечает, что «неверно полностью отождествлять Леонтьева и г-на Z» из «Трех разговоров» Вл.С. Соловьева на основании замечания в черновике его речи «О конце всемирной истории», который обнаружил в архиве М.К. Морозовой в ОР РГБ Н.В. Котрелев, поскольку в том же пассаже, где сказано, что г-н Z «отдельными чертами» напоминает К.Н. Леонтьева, утверждается также, что «другими чертами» он похож на Н.Н. Стрхова. Сходство г-на Z с К.Н. Леонтьевым действительно понять довольно легко, хотя это требует развернутого описания, но вот основание сопоставления того же героя с Н.Н. Стрховым, честно говоря, представляет загадку. Своей безусловной религиозностью, отрицанием толстовства, наконец, критикой восточничества и китаефильства г-н Z кажется радикальным оппонентом Н.Н. Стрхова. И пока мы не дадим удовлетворительного ответа на вопрос о том, в чем прослеживается сходство персонажа «Трех разговоров» с петербургским философом, было бы некорректно утверждать, что в «Трех разговорах» Вл.С. Соловьев становится на позицию К.Н. Леонтьева.

Вместе с тем сделанные замечания не снижают общего исключительно благоприятного впечатления о работе и являются, скорее, рекомендациями для дальнейшего изучения темы. Высокий научный уровень диссертации неоспорим. Исследование А.С. Михайлова вносит существенный вклад в изучение русской общественной мысли второй половины XIX в.

Автореферат диссертации и изданные А.С. Михайловым статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В.Ломоносова по специальности и отрасли наук, соответствуют содержанию диссертации.

Диссертация Михайлова Артёма Сергеевича отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации

соответствует паспорту специальности 5.6.1. Отечественная история (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, она оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, Михайлов Артём Сергеевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история.

Официальный оппонент:

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры истории русской
философии философского факультета
ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет имени М.В.Ломоносова»

 Межуев Борис Вадимович

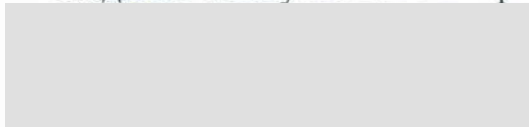
Контактные данные:

тел.: +7 (495) 939-24-08, e-mail: rf@philos.msu.ru

Специальность, по которой оппонентом была защищена диссертация:
09.00.03. История философии

Адрес места работы: 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1
тел.: +7 (495) 939-24-08, e-mail: rf@philos.msu.ru

Подпись Межуева Б.В. заверяю:

12.05.26